

ЧЕЛОВЕКУ ХОЧЕТСЯ МУЗЫКИ

Независимый журнал - 1999. - 22 авг. - с. 9

Самое страшное в театре – это сон, считает
Олег Басиладшвили

Татьяна Вольтская

ОЛЕГ ВАЛЕРИАНОВИЧ, мы находимся у вас дома, в вашей просторной комнате, передо мной на стене множество фотографий – кто запечатлен на той, по-видимому, самой старой?

— Это мои предки. В середине, с бородой, — мой прадед, священник Михаил Ильинский. Он жил в Москве, приход у него был под Москвой, в Томилине. Рядом за столом его супруга, дочери и сыновья с женами и мужьями. Слева, крайний, — мой дедушка. Девушки окончили епархиальное училище, юноши — духовную семинарию; дед мой после этого поехал принимать приход. Перед этим, как все в белом духовенстве, он обязан был жениться. По обычаю молодые попы женились на дочерях тех самых попов, которые уходили на пенсию. А там, куда он приехал, оказалась такая страшная поповна, что он понял: жизнь прожить с ней он просто не сможет, да и деятельность эта его не сильно привлекала — он больше любил рисовать. Он пришел к прадеду и сказал, это его подлинные слова: «Родитель, я не хочу быть священником, я хочу быть архитектором». Тот ответил: «Ну что же, образование я тебе дал, денег в тебя вложил немало — благословляю, но уж денег больше никаких не дам, вон у меня тут целая орава, надо их учить и замуж выдавать». Дед поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, встретил мою бабушку Ольгу Николаевну Ильинскую — тоже из священнической семьи, епархиалку. Родился первый ребенок, Миша. Жили, конечно, впроголодь, ночами дед делал какие-то кальки, был мастер на все руки. До сих пор родственники вспоминают, какие у него были руки, как он дома все сам делал.

По окончании училища дед получил Малую серебряную медаль, но был этим недоволен, остался еще на один год, получил Большую серебряную медаль, но все же не золотую. Через несколько лет он поступил туда еще раз, чтобы усовершенствовать графику, и вот тогда учился в одно время с Маяковским. Имея диплом архитектора, учителя рисования, он стал московским архитектором. Построил много крепких, красивых жилых домов в Москве, занимался реконструкцией, реставрацией и строительством церквей. Дома его стоят и на Лубянке, и в Армянском переулке, да много еще где. Дед принимал участие и в строительстве храма Христа Спасителя, был разработчиком церковных входов, дверей. Увидев, как храм взорвали, он очень скоро умер от рака.

Одно время дед был хранителем или служителем — я не помню — кремлевского архива. Тогда был у большевиков такой радостный обычай — они очень любили сжигать на Ивановской площади Кремля книги, из этих костров он иногда вытаскивал что-то, казавшееся ему интересным. Вот, например, он спас книгу «Москва в ее прошлом и настоящем».

Дед очень любил рисовать. Все эти рисунки — его. Вот это вид из дома на Покровке на храм Успения Богородицы. Этот храм так понравился Наполеону во время его нашествия, что он выставил вокруг него солдат, чтобы храм не сгорел. Сейчас на его месте ничего нет — его взорвали в 30-е годы большевики... Это просто пейзаж, это главный собор в Троице-Сергиевой лавре, это церковь святого Владимира рядом с нашим домом, это Чудов монастырь...

— Сколько запечатлено из того, чего уже нет.

— Да, хотя дед и не обладал таким гением, как, скажем, Барановский, но он тоже был из тех людей, кому удалось кое-что спасти. Ведь Барановский, из-

Олег Басиладшвили.

Фото Артема Житенева (ИГ-фото)

вестный реставратор, архитектор, любитель старины, уже будучи слепым, делал обмеры храмов, и это благодаря его обмерам восстановлен на Красной площади Казанский собор — он обмерял его руками, на ощупь. Ему удалось убедить Сталина, что собор Василия Блаженного необходимо сохранить.

Дед был из когорты тех же людей, самый настоящий разночинец.

Он получил звание потомственного почетного гражданина столицы, а после революции и на Лубянке сживал, и вообще сильно расплачивался за это звание.

(Окончание на стр. 13)